

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Николай
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

Театр

МЕРТВЫХ

МОСКВА

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Николай
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

Театр

МЕРТВЫХ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

Художественное оформление серии
В. Щербакова
Иллюстрация на обложке
И. Варавина

Леонов, Николай Иванович.

Л47 Театр мертвых / Николай Леонов, Алексей Макеев. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с. — (Русский бестселлер).

ISBN 978-5-04-210383-4

Полковник МВД Лев Гуров отдыхает на природе в изысканном обществе. Удачливые бизнесмены, владельцы банков, хозяева лиги спортивных ставок — все они, помимо этого, еще и заядлые театралы. На окраине дачного поселка оборудована импровизированная сцена, на которой решено поставить известную пьесу Чехова... Но в день премьеры происходит трагедия. По ходу спектакля один из исполнителей прямо на подмостках убивает партнера выстрелом из пистолета. Что это — роковая случайность или точный расчет? Гуров берется расследовать это происшествие и очень скоро понимает, что чеховская драма по своему накалу сильно уступает страстям, царящим в среде нынешних богачей...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Макеев А.В., 2024
© Оформление.

ISBN 978-5-04-210383-4

ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ГЛАВА 1

— Вот смотри, как здесь хорошо! — воскликнула Мария, когда машина миновала поворот и открылась долина реки. — Смотри, какие здесь леса! А какой луг! А речка! Вот увидишь, тебе тут понравится, еще и уезжать не захочешь.

Гуров, не отрывая глаз от дороги, мельком оглядел окружающую природу и кивнул жене.

— Да, пейзаж красивый, — согласился он. — А как река называется, напомни...

— Киржач, — ответила Мария Гурову. — Течет через всю область и впадает, насколько я помню, в Оку. Прелесть, что за речка.

— А рыба в этом Киржаче водится? — спросил сыщик.

— Водится, водится, — заверила его супруга. — У нас в поселке многие целый день на реке с удочками пропадают. Какая там рыба, не скажу: ты ведь знаешь, я в ней не разбираюсь. А вот что я точно знаю: в здешних лесах полно грибов, ягод и всякой живности. Мне говорили, что сейчас разрешено охотиться на птицу. Так что ты и охотой можешь заняться.

Но я бы, конечно, хотела, чтобы ты присоединился к нашей компании.

— Какой еще компании? — озадачился Гуров.

— К нашей группе, которая готовит спектакль по Чехову, — объяснила Мария. — А ты что, забыл? Ведь я тебе в Москве говорила. Мы готовим постановку «Дяди Вани». Я буду играть Марию Васильевну. Хотелось бы, конечно, играть главную героиню, Елену, но ей по сюжету 27 лет. Так что Павел Петрович только головой покачал, когда я ему это сказала.

— А кто такой этот Павел Петрович, который позволяет себе качать головой, когда моя жена что-то говорит? — шутливо спросил Гуров.

— Павел Петрович Теплов — душа нашего общества, — ответила Мария. — Да ты должен его знать, он известный человек. Владеет сетью букмекерских клубов «Верный выбор».

— Да, что-то припоминаю, — кивнул сыщик. — Делает деньги на людском азарте, заменяет казино. И что хорошего может быть в таком человеке?

Мария пожала плечами.

— Но ведь это не противозаконно, — сказала она. — Ну зарабатывает он на этих ставках, а еще у него есть свой банк «Верный». Заработанные средства, между прочим, вкладывает в благоустройство нашего поселка и другие полезные начинания. Он давал деньги на дорогу,

по которой мы едем, и там, в поселке, многое благоустроил. А еще Павел Петрович — заядлый театрал. Зимой, когда они с Юлей, его женой, живут в Москве, они ни одной громкой премьеры не пропускают. А здесь, в поселке, он обустроил сцену на открытом воздухе, и на ней ставит спектакли, в которых сам и играет.

— Надо же, какой портрет современного мецената! — покачал головой Гуров. — А что, он один такой в вашем поселке или другие меценаты-театралы тоже имеются?

— Имеются, очень даже имеются! — заверила его жена. — Например, Геннадий Игоревич Кондрашов. Это партнер Павла Петровича по банку «Верный» и каким-то другим проектам. Он тоже принимает в нашем театре заметное участие. И еще есть очень богатый человек, который вошел в состав нашей труппы, — это Игорь Семенович Молчунов. Он... Ага, смотри — вот и поселок показался, наш Журавль!

Глазам открылась чудесная картина. На берегу реки виднелись разноцветные крыши окруженных зеленью коттеджей. А вокруг поселка, на холмах, рос еловый и сосновый лес. Место было и правда очень привлекательное.

Мария уловила впечатление, которое поселок произвел на Гурова, и сказала:

— Вот видишь, в какое замечательное место я тебя привезла! И дом Нади, в котором мы бу-

дем жить, тоже очень симпатичный. Конечно, он не такой богатый, как жилище Павла Петровича или Кондрашова, но очень милый. Я уверена, что тебе здесь понравится. Десять дней пролетят, ты и не заметишь. Еще и остаться подольше захочешь! — повторилась она.

— Ну, это вряд ли, — буркнул Гуров. — Да и начальство не позволит. Меня и на десять дней с трудом отпустили.

Они подъезжали к поселку Журавль. Теперь, с близкого расстояния, стали видны дома. Действительно, один выглядел лучше другого. Здесь не было глухих заборов: все изгороди были невысокие, чаще попадались изящные железные решетки, настоящее произведение искусства. Иногда забор заменяла живая изгородь. Во дворах пышно цвели клумбы — поселок буквально тонул в цветах. «Не Владимирская область, а какая-то Голландия», — подумал сыщик. Он обратил внимание и на тротуары, украшенные разноцветной плиткой.

— Так, и куда дальше? — спросил Гуров, когда доехал до центра поселка.

— Вот здесь сверни направо... так, еще немного... — командовала Мария. — А вот и дом Нади, мы приехали.

Домик подруги Марии, Нади Зверевой, виолончелистки театрального оркестра, и правда выглядел привлекательно. Услышав звук мо-

тора, хозяйка поспешила выйти навстречу гостям. Они вдвоем с Марией проводили Гурова в комнату, в которой ему предстояло провести десять дней отпуска. Комната сыщику тоже понравилась. В общем, придраться было не к чему: Мария и правда привезла его в очень приятное место для отдыха.

— Ну что, ты, может быть, хочешь отдохнуть с дороги? — спросила Мария. — Ты приляг, а я побегу.

— С какой стати я буду ложиться среди бела дня? — возразил Гуров. — Я бы лучше погулял, осмотрелся тут. А ты куда бежать собралась?

— На репетицию, — объяснила Мария. — Павел Петрович назначил ее на шесть часов, я боялась опоздать, но мы, как видишь, успели вовремя. И я этому очень рада: ведь сегодня мы репетируем ключевую сцену — ту самую, где происходит объяснение профессора Серебрякова с дядей Ваней. У меня там тоже есть несколько реплик.

— В таком случае я, пожалуй, пройду с тобой, — решил сыщик. — Погляжу, что у вас за сцена на открытом воздухе, что за труппа. В наше время редко удастся увидеть художественную самодеятельность. Вот раньше, в каждом сельском клубе...

— Да, иногда и я жалею о чем-то из прежних времен, — согласилась Мария. — Но в тво-

их словах о «художественной самодеятельности» звучит какое-то пренебрежение. В нашей труппе люди играют на очень высоком уровне. Очень высоком! Даже мне, профессиональной актрисе, приходится стараться, чтобы ему соответствовать.

— Ну, давай не забывать, что ты все-таки не актриса, а певица, а это разные вещи, — заметил Гуров. — Актерская игра в твоей профессии имеет второстепенное значение.

— Нет, я не согласна! — заявила Мария. — Находясь на сцене, я не только пою свою партию, но и вкладываю душу в роль, создаю образ...

За разговором супруги вышли из дома и двинулись по боковой улице наверх, к лесу. Они вели давний спор о разных сторонах искусства оперного пения. Мария ценила эти беседы с мужем: в них проявлялось его внимание к работе жены.

Гуровы дошли до околицы. Дома кончились, но асфальтированная дорожка продолжалась. Она свернула направо, немного попетляла между сосен, а затем вышла на просторную поляну. Здесь, у подножия склона, поросшего могучими соснами, была сооружена из крепких досок сцена с задником и навесом, защищающим от дождя. Под навесом — балки, с которых свисал занавес, а в глубине сцены, на массивных брусьях, были укреплены декорации, ко-

торые могли быстро перемещаться с помощью электромоторов. Гуров, которому в ходе одного расследования пришлось ознакомиться с хозяйством областного театра, оценил высокий уровень оборудования поселковой сцены. «Да, если театр начинается с вешалки или, допустим, с занавеса, то этот не похож на деревенскую самодейтельность», — подумал сыщик.

Перед сценой полукругом виднелись скамьи, вкопанные в землю. Гуров прикинул и решил, что здесь могло бы разместиться до сотни зрителей. Сейчас на скамьях сидел десяток человек. Некоторые из них были одеты в костюмы девятнадцатого века. Мария подвела мужа к этой группе людей.

— Знакомьтесь, дамы и господа: мой муж Лев Иванович, — сказала она. — Позволь, Лева, я тебе представлю нашу труппу. Вот наш художественный руководитель, вдохновитель всего нашего театрального дела — Павел Петрович.

Навстречу Гурову шагнул высокий, представительный мужчина чуть за пятьдесят, черноволосый и черноусый. Ладонь, которую он подал для рукопожатия, была большая и сильная, как у самого Гурова. Густой, наполненный мощью голос поселкового мецената вполне соответствовал его внешности.

— Очень рад знакомству, — проговорил Теплов. — Много о вас слышал — и от вашей

супруги, и от знакомых. Очень рад такому строгому зрителю.

Следующим к Гурову подошел человек совсем иного склада — среднего роста, жилистый, нервный, с язвительным выражением лица. Это был еще один московский богачей, Игорь Семенович Молчунов, сдававший в аренду обширные офисные площадки.

— Рад знакомству, — кивнул он. — Как видите, театральное дело объединяет самых разных людей. В жизни мы с Павлом Петровичем терпеть друг друга не можем, а здесь, как видите, играем на одной сцене.

— И играете не просто знакомых, а друзей, — заметил сыщик. — Ведь если я правильно помню пьесу Чехова, ваш дядя Ваня и доктор Астров Павла Петровича — большие друзья.

— Так вы, оказывается, хорошо знаете пьесу! — воскликнул Теплов, слышавший весь этот разговор. — В таком случае, может быть, вы к нам присоединитесь? Сыграете, например, профессора Серебрякова? А то мой друг и деловой партнер Геннадий Игоревич не горит желанием участвовать в спектакле, приходится его уговаривать...

— Ну нет, увольте! — запротестовал Гуров. — Смотреть спектакли я могу, а участвовать — нет. Если бы в этой пьесе была роль сыщика, вот тогда... А так — нет.

Затем Гурову были представлены остальные участники спектакля: Геннадий Кондрашов, партнер Теплова по банку «Верный», жена Теплова Юлия, прелестная молодая женщина, дочь мецената Светлана, в жизни студентка МГУ, игравшая роль Сони, и предприниматель средней руки Василий Зорин, перевоплотившийся в Телегина.

— Вот и вся наша небольшая труппа, — подытожил Теплов. — На роль пожилой няни Марины мы, к сожалению, никого не нашли. Придется кому-то — или моей Юле, или вашей Марии — произносить реплики этой старой тетки.

Когда знакомство закончилось, Теплов повернулся к артистам и громко скомандовал:

— Ну а теперь — на сцену! Репетируем, господа, репетируем!

Почти все участники спектакля поднялись на сцену. Внизу, на скамьях, остались только две женщины, с которыми Гурова не познакомили, и сам Теплов: его герой, доктор Астров, не участвовал в сцене решительного объяснения Серебрякова с дядей Ваней. Это было очень удобно: Теплов, выступая в роли режиссера, мог давать указания актерам, на ходу менять рисунков их игры.

Гуров увлеченно наблюдал за происходящим. Особый интерес у него, конечно, вызы-

вала игра Марии. Слов у нее было не так много, зато требовалась выразительная мимика, и Гуров отметил, что Мария, в общем, справляется с ролью. Также ему понравилась игра главного персонажа, то есть дяди Вани, роль которого исполнил Игорь Молчунов.

Наступил решающий момент. Войницкий, то есть Молчунов, со словами «Будешь ты меня помнить!» выбежал через заднюю декорацию и исчез со сцены. Спустя некоторое время за ним ушли Мария и Серебряков, которого играл Геннадий Кондрашов. «Ага, сейчас должен прозвучать первый выстрел дяди Вани, — сообразил Гуров. — Интересно, как они его изобразят? Просто в ладоши громко хлопнут или кто-то выстрелит из ружья?» В этот момент за сценой бабахнул выстрел. При этом звуке сыщик сразу насторожился: это было не охотничье ружье, а пистолет. Гуров, отлично разбиравшийся в оружии, вполне мог отличить одно от другого. Вслед за выстрелом ушедшие участники спектакля вернулись на сцену. Гуров увидел, что дядя Ваня, то есть Молчунов, держит в руках пистолет системы «глок». На его глазах участник спектакля пустил его в ход второй раз. С криком: «Пустите меня! Где он? А, вот он! Бац!» — он снова выстрелил в профессора. И разумеется, не попал, прямо по Чехову. «Опять промах? — в ярости воскликнул дядя

Ваня. — Черт бы меня побрал!» И на этом сцена закончилась. Женщины, сидевшие на скамьях позади Гурова и Теплова, заплодировали.

— Ничего себе! — воскликнул Гуров, повернувшись к Павлу Петровичу. — Оказывается, вы используете в представлении боевое оружие! А разрешение на это у вас есть?

— Не волнуйтесь, Лев Иванович! — отвечал Теплов. — Пистолет принадлежит Игорю Семеновичу, и у него есть разрешение на оружие. А стреляет он, конечно же, холостыми патронами. Да, мы используем боевое, а не бутафорское оружие. Зато какая степень достоверности! Какой эффект это произведет на зрителей!

— Сомневаюсь, что пистолет, изобретенный в конце XX века, произведет нужный эффект, — заметил сыщик. — Ведь действие пьесы происходит в самом его начале. И хотя патроны у вас холостые, вы все равно сильно рискуете. Мало ли что может случиться. Кто-то по забывчивости вставит обойму с настоящими патронами, и тогда... Вы, наверное, слышали, что недавно случилось в Голливуде на съемках. Там из-за такой путаницы один актер застрелил другого.

— Ну, я уверен, что Игорь ничего не перепутает, — заметил Теплов. — Ведь это в его интересах: если что-то случится, его обвинят в убийстве. А зачем ему убивать Геннадия?

У них совершенно нормальные отношения. Другое дело я...

— А что вы? — заинтересовался сыщик.

— Видите ли, я как-то перешел Игорю дорогу, подал на него в суд за незаконное выселение одной моей фирмы, — стал объяснять Теплов. — Процесс я выиграл, поэтому получил с Игоря крупную сумму, двадцать или тридцать миллионов. Игорь был в ярости, при свидетелях заявил, что готов меня убить. Так что я бы не стал подставляться под дуло его пистолета, пусть он и заряжен холостыми патронами. Но ведь мой герой в этой сцене не участвует, ему ничего не угрожает, кроме цирроза печени в результате постоянного пьянства...

Тем временем участники спектакля спустились со сцены. Мария сразу подошла к мужу.

— Ну как тебе наша игра? — спросила она.

— Игра просто замечательная, — ответил сыщик. — Единственное, мне не понравилось, что ваш дядя Ваня использует настоящий пистолет. В театре так никогда не делают. Боевому оружию место в бою, а в театре надо пользоваться бутафорией.

— Ну не будь таким занудой, — попросила мужа Мария. — Откуда у нас бутафорское оружие? Его надо специально покупать, и стоит оно дорого. А Павел Петрович и так много средств вложил в организацию спектакля. Нет,

ты лучше еще про игру актеров скажи. Вот как тебе Мария Васильевна, которую я играю? Зрители понимают, что она полная дура? Что это она виновата в несчастьях сына?

— Мне кажется, ты прекрасно выполнила все задачи, связанные с ролью, — заверил жену Гуров. — А теперь, может быть, мы уже пойдем назад? Я, знаешь, не отказался бы поужинать...

— И верно, я совсем забыла о таком важном деле, как ужин! — спохватилась Мария. — Сейчас я прощаюсь с нашими, и пойдем. Собственно, ужин почти готов, мне осталось лишь все разогреть...

Мария подошла к актерам, попрощалась со всеми. На прощание Теплов напомнил ей и Гурову:

— Жду вас завтра, в такое же время. Не опаздывайте!

— А что будет завтра? — спросил сыщик.

— Как что? — удивился меценат. — Спектакль! Ведь сейчас вы присутствовали на генеральной репетиции. Завтра мы позовем весь поселок, и я думаю, тут все скамьи будут заняты. Мы покажем, на что способны. Так вы придете?

— Обязательно приду! — заверил его Гуров. — Как же я могу не прийти на спектакль с участием жены?

ГЛАВА 2

Мария не обманула мужа: дома его и правда ждал практически готовый ужин. Правда, готовила его в основном не Мария — ведь она только что приехала с Гуровым из Москвы, — а ее подруга, хозяйка дома Надя. Но, как заверили сыщика обе женщины, Надя готовила и рагу, и расстегаи под чутким руководством Марии. Гуров достал из сумки привезенное с собой вино — то самое, которое любила его супруга. В общем, ужин удался.

Когда блюда были съедены, а вино выпито, разговор невольно вернулся к той теме, которая сейчас больше всего занимала Марию, — к предстоящему спектаклю.

— Нет, я очень довольна, что все так замечательно сложилось, — говорила она. — Я рада, что этим летом не буду вести растительную жизнь, которой обычно живешь на всяких курортах. Мне нравится, что я не стану совсем забывать свою профессию. И ты меня увидишь на сцене, что бывает не так часто. И Надю вот повидаю, это тоже замечательно. Жаль только, что ты не увидишь следующую нашу работу.

— А что вы собираетесь еще ставить, напомни? — попросила Надя Зверева.

— Павел Петрович хочет поставить «Синюю птицу» Метерлинка, — отвечала Мария. —

■ Когда он мне это сказал, я сначала удивилась,

подумала, что это, во-первых, сказка: захотят ли ее смотреть взрослые люди? А во-вторых, там множество действующих лиц: Фея Света, Ночь, Собака, Кошка, Сахар, Огонь... Но Павел Петрович мне объяснил, что на самом деле для постановки важны только два актера, играющие детей. А всех этих сказочных персонажей могут играть одни и те же люди, нужно только их переодеть. А насчет сказки... я подумала и сама поняла, что в наше беспокойное время людям как раз сказка и нужна.

— Да, это хорошая идея, — согласилась с подругой Надя Зверева. — Я слышала, ваш Павел Петрович говорил, что если даже вы не успеете поставить «Синюю птицу» здесь, то постановку можно будет перенести в Москву...

— Да, у Павла Петровича большие планы! — заметила Мария. — Кажется, он хочет сохранить нашу труппу и в Москве, даже придать ей статус полупрофессиональной...

— Хорошо, если так, — кивнула Надя. — Но это возможно при одном условии: если он не погрузится с головой в свою любовную драму. Если так случится, боюсь, ему станет не до театра...

— Да, это ты верно заметила... — кивнула Мария и погрустнела.

— Что за любовная драма может быть у такого увлеченного делового человека? — поинтересовался Гуров.